

Полубояринова Лариса Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9
l.poluboyarinova@spbu.ru, larpolub@hotmail.com

«А ТЕПЕРЬ ЕЩЕ И ТУРГЕНЕВ!..»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЦЕПЦИИ ПРОЗЫ И. С. ТУРГЕНЕВА В АВСТРИИ

Рецепция творчества И. С. Тургенева (1818–1883) в австрийском литературном контексте рассматривается на фоне исторических событий, таких как битва при Садове (1866) и образование Австро-Венгрии (1867). В результате в собственно австрийской части «двойной империи» (Цислейтании) в подавляющем большинстве оказывается немнецкоязычное (преимущественно славянское) население. Данное обстоятельство обостряет внимание австрийцев к повествовательному опыту Тургенева — литературного представителя «славянского Востока», который, как это демонстрируют рецензии И. Лорма и Ф. Кюрнбергера, воспринимается в аспекте «изобретенного» «восточноевропейского Другого» (Л. Вульф). В частности, кюрнбергерский проект «Захер-Мазох» как «австрийский Тургенев» основан на вытеснении самого исходного образца как «Другого» за культурные пределы Европы и контрафактурном подставлении на его место собственного, более культивированного, немецкоязычного образчика литературного «славянства». Одновременно содержание и форма произведений Тургенева («Записок охотника», повестей и романов 1850-х — 1860-х гг.), будучи усвоенными и переработанными, предоставляют не только «австрийскому Тургеневу» Л. фон Захер-Мазоху, но также и М. фон Эбнер-Эшенбах, Ф. фон Заару, К. Э. Францоу удобную матрицу для литературного «присвоения» собственных (австрийских) славянских пределов — Моравии, Богемии, Галиции, — в медиуме немецкоязычной прозы. Кроме того, Тургенев выступает для австрийских писателей-реалистов альтернативным ориентиром, маркирующим их оппозицию по отношению к авторитетному канону немецкого «поэтического реализма». Особенно продуктивной в нарративном плане оказывается для австрийских авторов позаимствованная из «Записок охотника» фигура барина-рассказчика, задающего повествовательную «раму», в которую вправляются отдельные «истории», происходящие в австрийской славянской «глубинке»: «Наследие Каина» (1870–1877) Захер-Мазоха, «“Почти” Азия: земля и люди Восточной Европы» (1876) Францоа, «Деревенские и поместные истории» (1883–1886) Эбнер-Эшенбах, «Новеллы из Австрии» (1877–1906) Заара. Австрийские «тургеневянцы» представляют отдельный историко-литературный интерес как группа авторов, которые, будучи объединенными интересом к творчеству Тургенева, и между собой были связаны профессиональными, а подчас и приятельскими отношениями, нашедшими выражение в личных контактах и переписке. Библиогр. 41 назв.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, рецепция, австрийская литература, «изобретение Восточной Европы», Иероним Лорм, Фердинанд Кюрнбергер, Леопольд фон Захер-Мазох, Мария фон Эбнер-Эшенбах, Фердинанд фон Заар, Карл Эмиль Француз.

Poluboyarinova Larisa

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034 Russia
l.poluboyarinova@spbu.ru, larpolub@hotmail.com

«UND NUN GAR TURGÉNJEV!..»: ON SOME FEATURES OF THE RECEPTION OF IVAN TURGENEV'S PROSE IN AUSTRIA

Reception of Turgenev's (1818–1883) work in the Austrian literary context is seen against the background of historical events such as the Battle of Königgrätz (1866) and the formation of the Austro-Hungarian Empire (1867). As a result, the Austrian part of the actual "double Empire" (Cisleithania) is mostly non-German-speaking (mostly Slavic) population. This fact sharpens the attention of

the Austrians to the narrative experience of Turgenev as a literary representative of the “Slavic East”, which is, on the one hand, according to the reviews Hieronymus Lorm’s and Ferdinand Kürnberger’s, perceived through the “invention” of the “Eastern European Other” (L. Wolff). In particular, Kürnberger’s project “Sacher-Masoch as Austrian Turgenev” is based on the displacement of the original as the “Other” beyond the cultural borders of Europe replacing him to another one, more cultured, German-speaking literary specimen of “Slavs”. At the same time, the content and form of Turgenev’s works, such as “The Diary of a Hunter”, as well as stories and novels of 1850s — 1860s., being assimilated and processed, provided not only the “Austrian Turgenev” Leopold von Sacher-Masoch, but also Marie von Ebner-Eschenbach, Ferdinand von Saar, Karl Emil Franzos with convenient matrix for the literary “assignment” in their own medium of German-speaking prose of Austrian Slavic limits Moravia, Bohemia, Galicia. In addition, Turgenev stands for Austrian realist writers alternative benchmark, marking their opposition to the master discourse of German “poetic realism”. Particularly productive in terms of the narrative turns to Austrian authors borrowed from “The Diary of a Hunter” figure of the nobleman-storyteller, a master narrative “frame”, which reduce a certain “history”, taking place in the Austrian Slavic “outback”, Sacher-Masoch’s “Legacy of Kain” (1870–1877), Franzos’ “Half-Asia: the land and the people of Eastern Europe” (1876), Ebner-Eschenbach’s “Stories from Castle and Village” (1883–1886), Saar’s “Novellas from Austria” (1877–1906). Refs 41.

Keywords: Ivan Turgenev, reception, Austrian literature, “Inventing Eastern Europe”, Hieronymus Lorm, Ferdinand Kürnberger, Leopold von Sacher-Masoch, Marie von Ebner-Eschenbach, Ferdinand von Saar, Karl Emil Franzos.

И. С. Тургенев стал, как известно, первым русским автором, творчество которого было не только воспринято, но и самым активным образом усвоено на Западе — в европейских литературах и в литературе США [Генералова 2003; Новые исследования... 2011; Куприянова 2009; Тургеневские чтения 2011; Тургеневские чтения 2014; Gerigk 2015, S. 174–201, 208–211; Sokołowska 2011]. Отсюда его «записной» историко-культурный статус «первого русского европейца», уникального «культурного посредника»¹, «провозвестника» или «предтечи» последующих успехов или даже «триумфов» русской литературы, проявившихся в интенсивной рецепции на Западе текстов Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

Даже на фоне общеевропейского «тургеневского бума», начавшегося в середине 1850-х гг. и пошедшего на спад примерно в конце 1870-х — 1880-е гг. [Thieme 2000; Kluge 2004], восприятие творчества Тургенева в Австрии (имевшее вид подражания, цитирования, творческого переосмысления, а подчас и плагиата) отличается особенной интенсивностью. Данный факт был особо отмечен в недавней монографии Юргена Лемана о рецепции русской литературы немецкоязычными писателями и критиками с XVIII в. до наших дней [Lehmann 2015, с. 56–58].

На тему рецепции Тургенева в Австрии, в том числе и на уровне отдельных писательских фигур, существует специальная исследовательская литература [Полубояринова 2007; Egger 1948; Geserick 1958; Hanisch 1987; Hellberger 2000; Polubojarinova 1995; Polubojarinova 2006; Stillmark 1997; Wytrzens 1982]. Проблема в целом поэтому вряд ли может быть названа новой. В рамках настоящей статьи мы, однако, предполагаем сосредоточиться на аспекте, который пока не изучался, а именно на вопросе о том, насколько австрийская рецепция Тургенева определялась самим фактом принадлежности автора к российскому (восточноевропейскому, «восточному», читай: «варварскому») культурному пространству.

¹ Ср. французский термин «*médiateur*», примененный к Тургеневу автором популярной теории «культурного трансфера» Мишелем Эспанем [Espagne 2012, p. 80].

Метафорическое толкование России как «варвара у ворот» выступает, по справедливому замечанию норвежского слависта Ивэра Нойманна, «неизменной чертой европейского дискурса на протяжении XIX и не только XIX века» [Нойманн 2004, с. 130–131]. В полном соответствии с данной констелляцией о скрытом «варварстве» тургеневских текстов, вряд ли позволяющем им претендовать на то, чтобы «быть отнесенными к <...> достижениям европейской образованности»², пишет уже один из первых рецензентов Тургенева в Австрии венский писатель-публицист Иероним Лорм (Hieronymus Lorm, 1821–1902). Указывая в качестве причины «выпадения» России из европейской и мировой литературной традиции поверхностное усвоение русской национальной культурой европейских образцов, в свое время насильственно инициированное Петром I и не позволившее развиваться в России аутентичной национальной литературной культуре (мысль, восходящая, как известно, к главе «О народе» «Общественного договора» (1762) Руссо³ и неоднократно после него варьировавшаяся), Лорм усматривает типичную культурную межумочность (ни аутентичного своего — ни глубоко усвоенного чужого) в творчестве ведущих представителей российской словесности (Пушкина, Лермонтова, Гоголя), завершая данный ряд упоминанием имени Тургенева:

Как много первозданного, нового, и тем одним уже значительного могли бы эти писатели подарить Европе, если бы они смогли преподнести ей плоды развития, реализовавшегося в самой крови и самой жизни их собственной страны, если бы они опирались в своем созревании исключительно на национальные образцы. Мы могли бы сейчас сравнивать их с Ламартином, с лордом Байроном, с Мандзони. Однако они утрачивают в наших глазах свою ценность в той мере, в какой мы можем заметить влияние, оказанное на них поэтами с мировым именем [die weltberühmten Dichter], которому они вынуждены были подчиниться ввиду недостатка национальной традиции и школы. А теперь еще и *Тургенев!* [Und nun gar *Turgénjew!*] (курсив мой. — Л. П.) [Lorm 1864, S. 1644]⁴.

Анализируя далее тургеневские повести, Лорм усматривает в них подтверждение данной закономерности. Не удивляет поэтому, что в конце автор рецензии дает жесткую отповедь переводчику Тургенева Фридриху Боденштедту (Friedrich Bodenstedt, 1819–1892), заявившему в предисловии к немецкому изданию, что «в художественном отношении мало кто может с ним [Тургеневым — Л. П.] сравниться и вряд ли кто-либо — его превзойти» [Lorm 1864, S. 1644]. «Готфрид Келлер в Германии и француз Мериме уж точно превосходят Тургенева», — возражает Лорм. И продолжает: «В случае необходимости и в других примерах недостатка не будет» [Lorm 1864, S. 1647].

² См. в оригинале: «... unter den Bedingungen und Errungenschaften der europäischen Bildung mitzuzählen» [Lorm 1864, S. 1644].

³ См.: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. <...> Петр <...> понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. <...> Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются» [Руссо 1998, с. 90–91].

⁴ Здесь и далее перевод мой. — Л. П.

В рецензии Лорма, опубликованной в 1864 г. в авторитетной венской газете «*Österreichische Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und öffentliches Leben*», с очевидностью маркируется водораздел между небезытересной, но по сути «недоцивилизованной» (читай: «варварской») литературой «славянского Востока», с одной стороны, и литературной традицией остальной Европы, или собственно Европы — с другой. К этой последней относит себя и сам венский литературный критик. Высказываясь о «восточной» прозе Тургенева, Лорм говорит, как представляется, не только и не столько о русском авторе, сколько идентифицирует, по сути, себя самого и репрезентируемое им самим культурное пространство (Австрию, немецкоязычный мир, Западную Европу). Тем самым показательно иллюстрируется сформулированный в 1994 г. (в рамках известной концепции ориентализма Э. Саида) американским историком Ларри Вульфом [Wolff 1994; Вульф 2003] и развитый позже уже упоминавшимся И. Нойманом тезис об «использовании» восточного или восточноевропейского («варварского») «Другого» для конституирования (или, по Вульфу, «изобретения») собственной — западноевропейской — «цивилизованной» идентичности:

Коллективные идентичности конституируются не только воображаемым материалом, из которого они состоят, но также и материалом, лежащим вне их, — материалом, с которым они имплицитно сравниваются. Коллективные идентичности имеют внешние составляющие: эти идентичности определяются целыми напластованиями «Других». <...> Коллективные идентичности существуют благодаря тому, что отделяют одних людей от других при помощи определенных маркеров (показателей) [Нойманн 2004, с. 14–15].

Функцию подобного маркера, как известно, нередко выполняют границы ментальных карт, или так называемая воображаемая география⁵. Достаточно четко проведенная Лормом граница между литературным Западом и литературным Востоком практически не оставляет Тургеневу как представителю русской (восточной) литературы шанса «вписаться» в западноевропейский контекст, не говоря уже о возможном его «влиянии» на таковой. И если ситуация позже все-таки меняется, то происходит это в немалой степени благодаря переменам в реальной исторической картографии, повлекшей за собой и перемены в географии воображаемой.

Такие перемены происходят спустя два года после выхода рецензии Лорма. Вследствие проигранной австро-прусской войны, основания «двойной» Австро-Венгерской империи и последующего объединения немецких земель под эгидой Пруссии Австрия, как известно, оказывается вынужденной осознать свой новый геополитический статус «Цислейтании» (Cisleithania). Так именуется теперь собственно австрийская часть Австро-Венгрии, признаком которой становится доминирование немецкоязычного, главным образом славянского, населения (немецкоязычные австрийцы составляют теперь не более 25 % общего населения страны), а в территориальном плане — богемско-моравских лесов и гор и «сарматских степей» Галиции и Буковины [см.: Шарый, Шимов 2011; Canis 2016]. Не случайно именно на 1866 и 1867 гг. — соответственно годы поражения Австрии в битве при Садове и учреждения «двойной монархии» Австро-Венгрии — приходится начало «тургеневизма» в австрийской литературе.

⁵ О ментальной географии и проблеме «литературного картирования» см.: [Döring 2009].

В 1866 г. в либеральной венской газете «Die Presse» выходит исключительно позитивно окрашенная рецензия предводителя венской литературной критики (его называют Карлом Краусом XIX в.) Фердинанда Кюрнбергера (Ferdinand Kürnberger, 1821–1879) на тот же самый, отрецензированный прежде Лормом, двухтомник тургеневских повестей в переводе Ф. Боденштедта. В рецензии Кюрнбергера, озаглавленной «Тургенев и славянский мир», русский автор называется «одним из лучших новеллистов современности» [Kürnberger 1877, S. 98] и «Шекспиром новеллы» [Kürnberger 1877, S. 102]. Правда, хвалебные высказывания Кюрнбергера в адрес русского автора, прозу которого он считает аутентичным голосом «славянского Востока» как такового, носят специфический характер. Как представляется, образ «восточного Другого», а значит, и самого себя как европейца конструируется в них не с меньшей, а скорее с большей определенностью и интенсивностью, нежели у Лорма.

Если Лорм признавал за русской литературной линией, представленной Тургеневым, хотя бы «поверхностный» слой некрепко усвоенной западной литературной традиции, то для Кюрнбергера Тургенев и «фаталистичное» мировоззрение его героев (Акима из «Постоялого двора», Герасима из «Муму», Веры из «Фауста») есть «аутентичное», «врожденное» (*angeboren*) выражение национальной субстанции «славянства» как таковой, и, соответственно, в отдаленном созвучии с теорией климата Монтескье, — «самой природы», т. е. ландшафтности, природных просторов славянского Востока. («То, что Фауст постигает посредством рефлексии, славянин постигает при помощи самой природы» [Kürnberger 1877, S. 110].) Активизируя и развивая таким образом бинарную оппозицию «культура» (Европа) versus «природа» (славянский Восток), автор рецензии, несмотря на хвалебный тон высказывания в целом, не столько интегрирует «русскую прозу» Тургенева в европейский контекст, сколько дезинтегрирует ее из такового, вытесняя ее — прочь за границы Цислейтании. Одновременно примененные к Тургеневу позитивные характеристики «природности» и «аутентичности» как качества «славянства вообще» переносятся на остающийся в европейских границах «славянский мир» — западный славянский мир, пребывающий под эгидой «культурной» Австрии и действительно нуждающийся на тот момент в дискурсивной, в том числе и литературной, легитимации. Ведь, в согласии с доминирующей в рецензии (эссенциалистской, по сути) логикой, писателю достаточно генетически происходить из данного региона, чтобы мочь репрезентировать, по Кюрнбергеру, все качества «природности» и «славянства». Однако если у Тургенева и сам способ выражения «славянского фатализма», уже в силу русского языка его прозы, не относящегося традиционно к «культурным» европейским языкам, остается «природным» и оттого «слишком непосредственным» («...однако ново и чуждо для немецкого восприятия то, как он [Тургенев] это [славянскую идею “фатума”] выражает. Как будто бы звуками самой природы» [Kürnberger 1877, S. 106]), то у нового, «культурного» славянина, пишущего по эту сторону цислейтанской (то есть европейской) границы, способ выражения должен быть культурно-европейским, то есть немецким.

Именно в согласии с такой схемой подобия и подмены поступает Кюрнбергер в другом своем тексте — в написанной в следующем, 1867 г. рецензии на «галицийскую» новеллу немецкоязычного «славянина» (урожденного лембержца/львовчанина) Леопольда фон Захер-Мазоха (Leopold von Sacher-Masoch, 1836–1895) «Коло-

мийский Дон-Жуан», конструируя в его лице реальный культурный «эрзац» Тургенева для цислейтанского пространства. Один из пассажей данной рецензии звучит как ответ-реплика на восклицание Лорма: «А теперь еще и Тургенев!»:

Но что нам до Тургенева? [Aber was soll uns Turgènjew?] Он русский. Он не принадлежит нашей литературе, относясь лишь к переводной ее части.

А что если бы у нас вместо великоросса Тургенева появился бы вдруг малоросс, восточный галичанин, то есть австриец, то есть немец? А что если бы в этой самой Австрии, которая до сих пор так плохо справлялась с задачей германизации, в то именно время, когда народы Австрии, как один, восстают против всего немецкого, некий писатель, урожденный славянин, послал бы с берегов Прута на берега Майна и Некара великолепную немецкую новеллу? [Kürnberger 1985, S. 191–192].

Кюрнбергерский проект Захер-Мазоха «австрийского Тургенева» основан на вытеснении самого исходного образца как «Другого» за культурные пределы Европы и контрафактурном подставлении на его место собственного, более культивированного, немецкоязычного образчика литературного «славянства». И в этом смысле Кюрнбергер прокламирует скорее антирецепцию Тургенева, рецепцию от противного.

Как бы то ни было, его рецензия однозначно маркирует интенсивное «встречное движение» с австрийской стороны, основанное на острой потребности в легитимации в новых условиях австрийской повествовательной прозы, содержательно осваивающей (и «присваивающей») в медиуме немецкого языка цислейтанские — в том числе и отдаленные — славяноязычные пределы. Общность реалий российского пред- и пореформенного быта и постфеодальной социокультурной ситуации в Австрии, особенно ярко проявившаяся в Моравии и Галиции (помещичий быт и крестьянство, хронотопы замка, сада, деревни, быт и нравы военных гарнизонов, образы леса и степи), становятся у австрийских писателей-реалистов, таких как Ф. фон Заар, М. фон Эбнер-Эшенбах, Л. фон Захер-Мазох, К. Э. Францоз, Я. Ю. Давид, П. Розеггер, референциальной основой для многочисленных заимствований из «Записок охотника» и тургеневских повестей и романов 1850–1860-х гг.

Важно отметить также и то немаловажное обстоятельство, что опора на Тургенева давала этим авторам в условиях отсутствия или «неактивного» статуса собственной аутентичной австрийской традиции повествовательности⁶ возможность обойтись без эксплицитной опоры на транслируемый из Берлина «имперский» (*reichsdeutsch*) литературный *master discours* немецкого «поэтического реализма». (О необходимости дистанцирования «австрийской музыки» от немецкой одной из первых в данном поколении авторов заявила «тургеневянка» Мария фон Эбнер-Эшенбах в «Письмах из Франценсбада» в 1858 г.)

Тургеневу в данной ситуации австрийской «двойной потребности» в «не-немецком» импульсе извне выпала важная роль необходимой матрицы и фермента, которая и была акцентирована Кюрнбергером. Обрисованная им на примере

⁶ Такая традиция сложилась в Австрии в первой половине XIX в. в творчестве Адальберта Штифтера (Adalbert Stifter, 1805–1868) и Франца Грильпарцера (Franz Grillparzer, 1791–1872), однако их прозаическое наследие, как известно, было во второй половине века существенно маргинализировано, и вспомнили об этих авторах снова лишь в XX в., на волне интереса к литературному бидермейеру.

Захер-Мазоха «схема» порождения «австрийского Тургенева» работает и дальше, легитимируя впоследствии появление целого ряда австрийских тургеневианцев, среди которых хотелось бы выделить четыре наиболее репрезентативные фигуры.

О «тургеневианстве» двух из них — упоминавшегося Леопольда фон Захер-Мазоха и уроженца галицийского Черткова Карла Эмиля Францоца (Karl Emil Franzos, 1848–1904) — писала уже современная авторам литературная критика [Glaugau 1872; Goldbaum 1879]. О тургеневском компоненте повествовательной прозы Марии фон Эбнер-Эшенбах (Marie von Ebner-Eschenbach, 1830–1916) и Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar, 1833–1906) заговорили позже, уже в XX в. [Latzke 1932; Latzke 1935; Tabak 1926], однако до сих пор не было предпринято серьезной попытки высказаться о данном явлении как о целостном феномене.

Между тем данная группа авторов вполне могла бы быть рассмотрена с точки зрения так называемой исторической сетевой просопографии, предусматривающей изучение социально-культурного измерения биографий нескольких культурно значимых личностей одной эпохи, связанных по некоему признаку. В качестве временных рамок данного явления возможно было бы указать период длиной в полстолетия, начинающийся в знаменательном 1866 г. (битва при Садове и рецензия Кюрнбергера) и оканчивающийся в 1916 г. — год кончины М. фон Эбнер-Эшенбах, примечательным образом совпавшей с уходом из жизни австрийского кайзера Франца Иосифа. Все упомянутые тургеневианцы высказывались, по большей части с пиететом, в письмах, дневниках, эссе о творчестве «великого русского мастера». Захер-Мазох и Эбнер-Эшенбах даже обменивались с ним письмами [см.: Schultze 1965; Geserick 1958]. Что не менее важно, и друг с другом австрийские тургеневианцы были связаны профессиональными, а подчас и приятельскими отношениями, нашедшими выражение в личных контактах и переписке. Нередко и сами эти контакты были небезотносительны к творчеству И. С. Тургенева.

Например, Фердинанд фон Заар, выводя в своей новелле «Нинон» (1897) Захер-Мазоха в виде писателя Z, некогда знаменитого, а ныне почти забытого, измучившего и опустившегося автора, замечает о нем (не без злорадства):

То, что раньше восхищало, производило теперь, как говорили, впечатление марнерности. Ведь это была все та же любовная история, все тот же слабый, безвольный, пресмыкающийся во прахе мужчина — и все та же безжалостная, жестокая, до брутальности, женщина [Saar 1959a, S. 301].

Тургенев не называется по имени, однако присутствует в подтексте данного высказывания как автор, на которого Захер-Мазох опирался при «разработке» своего (литературного и жизнетворческого) мазохистского сценария [см.: Полубояринова 2007]. Мазохистские констелляции, также в немалой степени ориентированные на Тургенева, впрочем, не чужды и новеллам самого Заара, таким как «Джиневра» (1892) и «Vae victis!» (1883). И самого писателя фон Заара, статного стройного отставного офицера, если верить воспоминаниям Ванды фон Захер-Мазох [Sacher-Masoch 2003, S. 205], чета Захер-Мазохов приглашала однажды участвовать в их семейном перформансе в роли Грека — «третьего» в мазохистском сценарии (правда, Заар данное предложение не принял).

Все четыре ведущих тургеневианца австрийской повествовательной прозы были биографически связаны с восточноевропейски-славянскими землями (Kron-

länder) Австрии, которые выступают в большинстве случаев местом действия их произведений. Нередко эти тексты выстраиваются в целые повествовательные циклы, которые, не без влияния Тургенева — автора «Записок охотника», связываются сквозной фигурой повествователя-интеллектуала — охотника, этнографа, писателя-фланёра. Так, у Захер-Мазоха (повествовательный цикл «Наследие Каина» «Das Vermächtniß Kains», 1870–1877) и Францоza (повествовательный цикл «“Почти” Азия: земля и люди Восточной Европы» «Aus Halb-Asien: Land und Leute des östlichen Europas», 1876) именно их родина Галиция становится преимущественным местом действия произведений. Сюжеты наиболее успешных повестей Эбнер-Эшенбах из помещицкой и крестьянской жизни — «Деревенские и помещенные истории» («Dorf- und Schloßgeschichten», 1883, 1886) — связаны с ее малой родиной в Моравии, где она, урожденная графиня Дубски, появилась на свет в 1830 г. (Писательница бегло говорила по-чешски.) И даже биографически связанный преимущественно с Веной Заар нередко обращается в своем обширном цикле «Новелл из Австрии» («Novellen aus Österreich», 1877–1906) к славянским окраинам Цислейтании, используя опыт своего пребывания в качестве офицера австрийской армии в отдаленных моравских и богемских гарнизонах.

Репрезентируемые в «культурном» медиуме немецкого языка отсталые «цислейтанские» окраины, правда, не перестают выступать для австрийских тургеневцев в функции «Другого», а сами они, хотя бы того или нет, продолжают оставаться ментальными картографами с Запада, «воображающими» для себя — критически или утопически — Восточную Европу. Хотелось бы привести в заключение в качестве примера один пассаж из новеллы Заара с показательным названием «Троглодитка» (*Die Troglodytin*, 1887). В данном отрывке с точки зрения немецкоязычного рассказчика-австрийца описываются женщины-работницы одного небольшого городка в Моравии:

По сложению их нельзя было назвать ни грубыми, ни нескладными. Напротив, фигуры их были по преимуществу стройны и изящны, руки и ноги — хорошей формы. И пусть сами лица их безупречными назвать было трудно, глаза были красивы практически у всех, каковое свое достоинство они не стеснялись пускать в ход. При всем том они были ленивы и неряшливы, обожали лакомства, были нечисты на руку и в целом предрасположены к безобразиям любого другого рода. Горе тому, кто по легкомыслию свяжется с одной из них — бездна морального разложения поглотит его безвозвратно [Saar, 1959b, S. 6].

У отдаленно имитирующего стиль тургеневского «барина-охотника» Заара здесь видим критическое, с элементами натурализма, описание славянского («восточноевропейского») варварства, от которого рассказчик — носитель западноевропейской культуры — принципиально дистанцируется. Подобные характеристики «восточных нравов» найдем и у Эбнер-Эшенбах, пишущей о моравской деревне, и, в массе, в галицийских текстах Мазоха и Францоza, несмотря на все сопровождающие данные описания просветительские утопические германоцентричные (как у Францоza) или славяно-коммунистические (как у Мазоха) проекты реформирования «отсталых» австрийских окраин (см.: [Wolff 2010, p. 111–116, 243–246]). Культурно-историческое качество и самоидентификационный потенциал данной дистанции («отделиться от Другого, чтобы осознать себя самого»

[Wolff 2003, S. 24]) все же остаются определяющими. Как мы сейчас знаем, именно за нею, за этой дистанцией (а не за проектом многонациональной империи на немецко-австрийской или мультилингвальной основе) было историческое будущее. Тем не менее идея цислейтанской интеграции остается для австрийской культуры на протяжении десятилетий одной из центральных. А творчество Тургенева неизменно выступает важной матрицей ее литературного воплощения.

Литература

- Вулф 2003 — Вулф Л. *Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- Генералова 2003 — Генералова Н. П. *И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений*. СПб.: РХГИ, 2003. 583 с.
- Куприянова 2009 — Куприянова И. П. “Тургенев в Дании.” *Из истории скандинавской литературы*. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 157–165.
- Новые исследования... 2011 — *И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы*. Вып. 2: И. С. Тургенев и мировая литература (К 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева). СПб.: Альянс-Арехо, 2011. 511 с.
- Нойман 2004 — Нойман И. *Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство, 2004. 366 с.
- Полубояринова 2007 — Полубояринова Л. Н. “Иван Тургенев и Леопольд фон Захер Мазох: генетические аспекты связи”. *Вопросы литературы*. 4, 2007: 224–241.
- Руссо 1998 — Руссо Ж. Ж. *Об общественном договоре. Трактаты*. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.
- Тургеневские чтения 2011 — *Тургеневские чтения*. Вып. 5: Тургенев и Франция. Петраш Е. Г. (ред.). М.: Книжница, 2011. 476 с.
- Тургеневские чтения 2014 — *Тургеневские чтения*. Вып. 6: Тургенев и Германия. Петраш Е. Г. (ред.). М.: Книжница, 2014. 509 с.
- Шарый, Шимов 2011 — Шарый А., Шимов Я. *Корни и корона, очерки об Австро-Венгрии: судьба империи*. Москва: Колибри, 2011. 447 с.
- Canis 2016 — Canis K. *Die bedrängte Großmacht Österreich-Ungarn und das europäische Mächtesystem 1866/67–1918*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. 567 S. (немецк.)
- Döring 2009 — Döring J. “Zur Geschichte der Literaturkarte.” *Mediengeographie: Theorie, Analyse, Diskussion*. Döring J., Thielmann T. (Hrsg.). Bielefeld: Transcript, 2009. S. 247–290. (немецк.)
- Egger 1948 — Egger F. *Marie von Ebner-Eschenbach und Ivan Segeitsch Turgenjew*. Diss. Innsbruck Universität, 1948. 246 S. (немецк.)
- Espagne 2012 — Espagne M. *L'ambre et le fossile: transferts germano-russes dans des sciences humaines XIXe – XXe siècles*. Paris: Armand Colin Recherches, 2012. 295 p. (франц.)
- Gerigk 2015 — Gerigk H.-J. *Turgenjew. Eine Einführung für die Leser von heute*. Heidelberg: Winter, 2015. 287 S. (немецк.)
- Geserick 1958 — Geserick I. “Marie von Ebner-Eschenbach und Ivan Turgenew.” *Zeitschrift für Slawistik*. 3, 1958: 43–64. (немецк.)
- Glagau 1872 — Glagau O. “Turgeniev's Nachahmer. Karl Detlef. — Sacher-Masoch.” Glagau O. *Die russische Literatur und Ivan Turgeniev*. Berlin: Paetel, 1872. S. 162–174. (немецк.)
- Goldbaum 1879 — Goldbaum W. “Turgenjew's deutsche Jünger. Eine kritische Randglosse.” *Mehr Licht. Eine deutsche Wochenschrift für Literatur und Kunst*. 27 (1), 1879: 424–425. (немецк.)
- Hanisch 1987 — Hanisch O. *Die Turgenew-Rezeption im Prosaschaffen Ferdinand von Saars*. Diss. Pädagogische Hochschule. Magdeburg, 1987. 283 S. (немецк.)
- Hellberger 2000 — Hellberger M. “Tierdarstellungen als Symptom des gesellschaftlichen Strukturwandels im interkulturellen Kontext: Die Rezeption von Ivan Turgenews Tierdarstellungen im Werk Marie von Ebner-Eschenbachs und Ferdinand von Saars.” *Russland — Österreich. Literarische und kulturelle Wechselwirkungen*. Holzner J. (Hrsg.). Bern; Berlin Peter Lang, 2000. S. 97–126. (немецк.)
- Kluge 2004 — Kluge R.-D. “Ivan Turgenew und seine deutschen Freunde.” *Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Dahlmann D., Potthoff W. (Hrsg.). Wiesbaden: Harrasowitz, 2004. S. 127–143. (немецк.)

- Kürnberger 1877 — Kürnberger F. “Turgenjew und die slawische Welt.” Kürnberger F. *Literarische Herzenssachen: Reflexionen und Kritiken*. Wien; Teschen: Karl Proschaske, 1877. S. 106–121. (немецк.)
- Kürnberger 1985 — Kürnberger F. “Vorrede zum «Don Juan von Kolomea.»” von Sacher-Masoch, L. *Don Juan v. Kolomea. Galizische Geschichten*. Bonn: Gruyter, 1985. S. 189–192. (немецк.)
- Latzke 1932 — Latzke R. “Marie von Ebner-Eschenbach und Ferdinand von Saar.” *Deutsch-österreichische Literaturgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Dichtung in Österreich-Ungern*. Bd. 3. Castle E. (Hrsg.). Wien; Leipzig C. Fromme, 1932. S. 1036–1091. (немецк.)
- Latzke 1935 — Latzke R. “Marie von Ebner-Eschenbach und Ivan Turgenjev.” *Pädagogischer Führer*. 85, 1935: 402–412. (немецк.)
- Lehmann 2015 — Lehmann J. *Russische Literatur in Deutschland: Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Stuttgart: Metzler, 2015. 417 S. (немецк.)
- Lorm 1864 — Lorm H. “Iwan Turgenjews Erzählungen.” *Österreichische Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und öffentliches Leben. Beilage zur kaiserlichen “Wiener Zeitung”*. 4, 1864: 1643–1647. (немецк.)
- Polubojarinova 1995 — Polubojarinova L. “I. S. Turgenjews «Väter und Söhne» in österreichischer Rezeption.” *Kunst und internationale Verständigung*. Arlt H. (Hrsg.). St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 1995. S. 140–151. (немецк.)
- Polubojarinova 2006 — Polubojarinova L. “Stoffe und Motive Iwan Turgenjews im Werk Ferdinand von Saars (unter besonderer Berücksichtigung von «Ginevra»).” *Ferdinand von Saar. Richtungen der Forschung / Directions in Research. Gedenkschrift zum 100. Todestag*. Boeringer M. (Hrsg.). Wien: Praesens, 2006. S. 51–67. (немецк.)
- Schultze 1965 — Schultze Ch. “Ein Brief Turgenjews an L. von Sacher-Masoch aus dem Jahre 1881.” *I. S. Turgenjev und Deutschland*. Bd. 1. Ziegengeist G. (Hrsg.). Berlin (Ost): Akademie-Verlag, 1965. S. 146–152. (немецк.)
- Sokolowska 2011 — Sokolowska K. *Conrad and Turgenjev: toward real*. Boulder, Colo: East European Monograph, 2011. 353 p. (англ.)
- Stillmark 1997 — Stillmark A. “Ebner-schenbach und Turgenjew: eine Begegnung in Prosa-Gedicht.” *Des Mitleids tiefe Fähigkeit: Zum Werk der Marie von Ebner-Eschenbach*. Strelka J. P. (Hrsg.). Bern; Berlin: Peter Lang, 1997. S. 219–238. (немецк.)
- Tabak 1926 — Tabak G. *Iwan Segeewitsch Turgenjews Einfluß auf die deutsche Literatur*. Diss. Wiener Universität, 1926. 123 S. (немецк.)
- Thieme 2000 — Thieme G. *Ivan Turgenjev und die deutsche Literatur*. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2000. 137 S. (немецк.)
- von Saar 1959 — von Saar F. “Die Troglodytin.” von Saar F. *Das Erzählerische Werk*: In 3 Bd. Wien: Amandus, 1959. Bd. 2. S. 5–46. (немецк.)
- von Saar 1959 — von Saar F. “Ninon.” von Saar F. *Das erzählerische Werk*: In 3 Bd. Wien: Amandus, 1959. Bd. 2. S. 281–322. (немецк.)
- von Sacher-Masoch 2003 — von Sacher-Masoch W. *Meine Lebensbeichte*. München: Belleville, 2003. 380 S. (немецк.)
- Wolff 1994 — Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilizations on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1994. 419 p. (англ.)
- Wolff 2003 — Wolff L. “Die Erfindung Osteuropas. Von Voltaire bis Voldemort” *Europa und die Grenzen im Kopf*. Kaeser K., Gramshammer-Hohl R. et al. (Hrsg.). Klagenfurt: Wieser, 2003. S. 21–34. (немецк.)
- Wolff 2010 — Wolff L. *The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486 p. (англ.)
- Wytzens 1982 — Wytzens G. “Zur österreichischen Turgenjev-Rezeption bis 1918.” *Wiener slawistisches Jahrbuch*. 1982: 107–126. (немецк.)

Для цитирования: Полубояринова Л. Н. «А теперь еще и Тургенев!...»: о некоторых особенностях рецепции прозы И. С. Тургенева в Австрии // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 554–566. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.405>

References

- Вулф 2003 — Vulf L. *Izobretaiia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 560 p. (Russian)

- Генералова 2003 — Generalova N. P. *I. S. Turgenev: Rossiia i Evropa. Iz istorii russko-evropeiskikh literaturnykh i obshchestvennykh odnoshenii* [I. S. Turgenev: Russia and Europe. From the history of Russia-Europe literary and social relations]. St. Petersburg: RChGI, 2003. 583 p. (Russian)
- Куприянова 2009 — Kupriianova I. P. "Turgenev v Danii [Turgenev in Denmark]." *Iz istorii skandinavskoi literatury* [From the history of the Scandinavian literature]. St. Petersburg: SPbSU, 2009. P. 157–165. (Russian)
- Новые исследования... 2011 — *I. S. Turgenev. Novye issledovaniia i materialy* [I. S. Turgenev. New research and materials]. Iss. 2: I. S. Turgenev i mirovaia literatura (K 190-letiiu so dnia rozhdeniia I. S. Turgeneva) [I. S. Turgenev and world literature: (On the 190-anniversary of I. S. Turgenev)]. St. Petersburg: Al'ians-Arekho, 2011. 511 p. (Russian)
- Нойман 2004 — Noiman I. *Ispol'zovanie "Drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnosti* [Uses of the "Other": The East in European Identity Formation]. Moscow: Novoe Publ., 2004. 366 p. (Russian)
- Полубояринова 2007 — Poluboiarinova L. N. "Ivan Turgenev i Leopold fon Zakher Mazokh: geneticheskie aspekty svyazi [Ivan Turgenev and Leopold von Sacher-Masoch: Genetic aspects of the relations]." *Voprosy literatury*. 4, 2007: 224–241. (Russian)
- Руссо 1998 — Rousseau J. J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [Of the Social Contract, or Principles of Political Law]. Moscow: Kanon-press, Kuchkovo pole, 1998. 416 p. (Russian)
- Тургеневские чтения 2011 — *Turgenevskie chteniia* [Turgenev's readings]. Iss. 5: Turgenev i Frantsiia [Turgenev and France]. Petrash E. G. (ed.). Moscow: Knizhnitsa, 2011. 476 p. (Russian)
- Тургеневские чтения 2014 — *Turgenevskie chteniia* [Turgenev's readings]. Iss. 6: Turgenev i Germaniia [Turgenev and Germany]. Petrash E. G. (ed.). Moscow: Knizhnitsa, 2014. 509 p. (Russian)
- Шарый, Шимов 2011 — Sharyi A., Shimov Ia. *Korni i korona, ocherki ob Avstro-Vengrii: sud'ba imperii* [Roots and crown: Essays about Austria-Hungary: Destiny of the Empire]. Moskva: Kolibri, 2011. 447 p. (Russian)
- Canis 2016 — Canis K. *Die bedrängte Großmacht Österreich-Ungarn und das europäische Mächtesystem 1866/67–1918*. [The oppressed power of Austria-Hungary and the European power system 1866/67–1914]. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. 567 p. (German)
- Döring 2009 — Döring J. "Zur Geschichte der Literaturkarte [The history of the literary map]." *Medien-geographie: Theorie, Analyse, Diskussion* [Media geography: theory, analysis, discussion]. Döring J., Thielmann T. (eds.). Bielefeld: Transcript, 2009. P. 247–290. (German)
- Egger 1948 — Egger F. *Marie von Ebner-Eschenbach und Ivan Segeitsch Turgenjew* [Marie von Ebner-Eschenbach and Ivan Sergeevich Turgenev]. Diss. Innsbruck Universität, 1948. 246 p. (German)
- Espagne 2012 — Espagne M. *Lambre et le fossile: transferts germano-russes dans des sciences humaines XIXe–XXe siècles* [Amber and fossil: German-Russian transfers in the humanities 19th–20th century]. Paris: Armand Colin Recherches, 2012. 295 p. (French)
- Gerigk 2015 — Gerigk H.-J. *Turgenjew. Eine Einführung für die Leser von heute* [Turgenev. An introduction to the readers of today]. Heidelberg: Winter, 2015. 287 p. (German)
- Geserick 1958 — Geserick I. "Marie von Ebner-Eschenbach und Ivan Turgenev." *Zeitschrift für Slawistik*. 3, 1958: 43–64. (German)
- Glagau 1872 — Glagau O. "Turgeniev's Nachahmer. Karl Detlef — Sacher-Masoch [Turgenev's imitator. Karl Detlef — Sacher-Masoch]." Glagau O. *Die russische Literatur und Ivan Turgeniev* [Russian literature and Ivan Turgenev]. Berlin: Paetel, 1872. P. 162–174. (German)
- Goldbaum 1879 — Goldbaum W. "Turgenjew's deutsche Jünger. Eine kritische Randglosse [Turgenev's German disciples. A critical fringe]." *Mehr Licht. Eine deutsche Wochenschrift für Literatur und Kunst* [A German weekly for literature and art]. 27 (1), 1879: 424–425. (German)
- Hanisch 1987 — Hanisch O. *Die Turgenev-Rezeption im Prosaschaffen Ferdinand von Saars* [Turgenev's reception in Prosaschaffen Ferdinand von Saars]. Diss. Pädagogische Hochschule. Magdeburg, 1987. 283 p. (German)
- Hellberger 2000 — Hellberger M. "Tierdarstellungen als Symptom des gesellschaftlichen Strukturwandels im interkulturellen Kontext: Die Rezeption von Ivan Turgenevs Tierdarstellungen im Werk Marie von Ebner-Eschenbachs und Ferdinand von Saars [Animal representations as a symptom of social structural change in the intercultural context: Reception of Ivan Turgenev's animal representations at the factory of Marie von Ebner-Eschenbachs and Ferdinand von Saars]." *Russland — Österreich. Literarische und kulturelle Wechselwirkungen* [Russia — Austria. Literary and cultural interactions]. Holzner J. (ed.). Bern; Berlin Peter Lang, 2000. P. 97–126. (German)

- Kluge 2004 — Kluge R.-D. "Ivan Turgenev und seine deutschen Freunde [Ivan Turgenev and his German friends]." *Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert* [Germany and Russia: Aspects of cultural and scientific relations in the 19th and early 20th century]. Dahlmann D., Potthoff W. (eds.). Wiesbaden: Harrasowitz, 2004. P. 127–143. (German)
- Kürnberger 1877 — Kürnberger F. "Turgenjew und die slawische Welt [Turgenev and the Slavic world]." Kürnberger F. *Literarische Herzenssachen: Reflexionen und Kritiken* [Literary heart affairs: Reflections and criticism]. Wien; Teschen: Karl Proschaske, 1877. P. 106–121. (German)
- Kürnberger 1985 — Kürnberger F. "Vorrede zum «Don Juan von Kolomea» [Preface to «Don Juan of Kolomea»]." von Sacher-Masoch L. *Don Juan v. Kolomea. Galizische Geschichten* [Galician stories]. Bonn: Gruyter, 1985. P. 189–192. (German)
- Latzke 1932 — Latzke R. "Marie von Ebner-Eschenbach und Ferdinand von Saar [Marie von Ebner-Eschenbach and Ferdinand of Saar]." *Deutsch-österreichische Literaturgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Dichtung in Österreich-Ungarn* [German-Austrian literary history. A handbook on the history of German poetry in Austria-Hungary]. Vol. 3. Castle E. (ed.). Wien; Leipzig C. Fromme, 1932. P. 1036–1091. (German)
- Latzke 1935 — Latzke R. "Marie von Ebner-Eschenbach und Ivan Turgenev [Marie von Ebner-Eschenbach and Ivan Turgenev]." *Pädagogischer Führer* [Educational guide]. 85, 1935: 402–412. (German)
- Lehmann 2015 — Lehmann J. *Russische Literatur in Deutschland: Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart* [Russian literature in Germany: your reception by German-speaking writers and critics from the 18th century to the present]. Stuttgart: Metzler, 2015. 417 p. (German)
- Lorm 1864 — Lorm H. "Iwan Turgenjews Erzählungen [Ivan Turgenev's narrative]." *Österreichische Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und öffentliches Leben. Beilage zur kaiserlichen "Wiener Zeitung"* [Austrian weekly for science, art and public life. Supplement to the Imperial „Wiener Zeitung“]. 4, 1864: 1643–1647. (German)
- Polubojarinova 1995 — Polubojarinova L. "I. S. Turgenjews «Väter und Söhne» in österreichischer Rezeption [I. S. Turgenev's «Fathers and Sons» in Austrian Reception]." *Kunst und internationale Verständigung* [Art and international understanding]. Arlt H. (ed.). St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 1995. P. 140–151. (German)
- Polubojarinova 2006 — Polubojarinova L. "Stoffe und Motive Iwan Turgenjews im Werk Ferdinand von Saars (unter besonderer Berücksichtigung von «Ginevra» [Fabrics and motifs of Ivan Turgenev in the work of Ferdinand von Saars (with special reference to «Ginevra»)]." *Ferdinand von Saar. Richtungen der Forschung / Directions in Research. Gedenkschrift zum 100. Todestag* [Ferdinand von Saar: directions of research / Directions in Research. Commemorative inscription on the 100-anniversary of the death]. Boeringer M. (ed.). Wien: Praesens, 2006. P. 51–67. (German)
- Schultze 1965 — Schultze Chr. "Ein Brief Turgenjews an L. von Sacher-Masoch aus dem Jahre 1881 [A letter from Turgenjews to L. von Sacher in 1881]." *I. S. Turgenjews und Deutschland* [I. S. Turgenev and Germany]. Vol. 1. Ziegensteig G. (ed.). Berlin (Ost): Akademie-Verlag, 1965. P. 146–152. (German)
- Sokolowska 2011 — Sokolowska K. *Conrad and Turgenev: toward real*. Boulder, Colo: East European Monograph, 2011. 353 p. (English)
- Stillmark 1997 — Stillmark A. "Ebner-schenbach und Turgenjew: eine Begegnung im Prosa-Gedicht [Ebner-Eschenbach and Turgenev: An encounter in the prose poem]." *Des Mitleids tiefe Fähigkeit: Zum Werk der Marie von Ebner-Eschenbach* [Compassion deeply profound: On the work of Marie von Ebner-Eschenbach]. Strelka J. P. (ed.). Bern; Berlin: Peter Lang, 1997. P. 219–238. (German)
- Tabak 1926 — Tabak G. *Iwan Segeewitsch Turgenjews Einfluß auf die deutsche Literatur* [Ivan Sergeevich Turgenev's influence on German literature]. Diss. Wiener Universität, 1926. 123 p. (German)
- Thieme 2000 — Thieme G. *Ivan Turgenev und die deutsche Literatur* [Ivan Turgenev and the German literature]. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2000. 137 p. (German)
- von Saar 1959 — von Saar F. "Die Troglodytin [The Troglodytin]." von Saar F. *Das Erzählerische Werk* [The narrative work]: In 3 Vols. Wien: Amandus, 1959. Vol. 2. P. 5–46. (German)
- von Saar 1959 — von Saar F. "Ninon." von Saar F. *Das erzählerische Werk* [The narrative work]: In 3 Vols. Wien: Amandus, 1959. Vol. 2. P. 281–322. (German)
- von Sacher-Masoch 2003 — von Sacher-Masoch W. *Meine Lebensbeichte* [My life]. München: Belleville, 2003. 380 p. (German)
- Wolff 1994 — Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilizations on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1994. 419 p. (English)

- Wolff 2003 — Wolff L. “Die Erfindung Osteuropas. Von Voltaire bis Voldemort [The invention of Eastern Europe. From Voltaire to Voldemort],” *Europa und die Grenzen im Kopf* [Europe and the borders in the head]. Kaeser K., Gramshammer-Hohl R. et al. (eds.). Klagenfurt: Wieser, 2003. P.21–34. (German)
- Wolff 2010 — Wolff L. *The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2010. 486 p. (English)
- Wytrzens 1982 — Wytrzens G. “Zur österreichischen Turgenev-Rezeption bis 1918 [To the Austrian reception of Turgenev until 1918].” *Wiener slawistisches Jahrbuch*. 1982: 107–126. (German)

For citation: Poluboyarinova L.N. «Und nun gar Turgénjew!..»: On Some Features of the Reception of Ivan Turgenev’ s Prose in Austria. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 554–566. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.405>

Статья поступила в редакцию 16 января 2017 г.
Статья рекомендована в печать 27 апреля 2017 г.